

Алексей Бардо

TextuRes

12+

Алексей Бардо

TextuRes

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66437760

SelfPub; 2021

Аннотация

В сборник вошли избранные стихотворения в прозе и верлибры, написанные в 2018-2021 годах. Некоторые тексты и отрывки публиковались в блогах автора, но большая часть представлена впервые.

Алексей Бардо

TextuRes

Холодные текстуры

1.

Не проси меня ни о чём. Не говори, что нуждаешься во мне, что любишь меня, что подобен слепому без наставления и прощения. Не окуривай мои изваяния благовониями, как статую Бодхисаттвы, хоть и мне ведомо, чему должно быть. Я – не больше летнего ветра, капель дождя, что текут по твоему лицу, пения птиц в дымке изумрудного утра, шаманского говора морских волн. Я есть всё сущее. Я и есть ты.

2.

Щербатый гранит набережной. Ступаю неторопливо. Золото закатного солнца плавит кристаллы небоскрёбов. Переливы голосов. Мягкие, будто река, что ледяной змеей окольцевала город. Небо наливается пурпуром, расходится бриллиантовой рябью в лужах. Жестоки годы! Блёклые воспоминания – сепия мятых фотографий под ногами, выпавших из развалины бархатного альбома. И не понять: были они, – майский дождь, мосты, ажурные перила набережной, зер-

кальные башни с отражением облаков, – или не было их? Были Вы, взгляд, брошенный небрежно (всё начинается со взгляда), или я обманулся миражом в душном воздухе толпы? Был тот день, или он ещё не настал? Жизнь в скитаниях за вашим отражением почти прошла...

3.

Что песок, что золото – всё одно. Когда откроешь последнюю дверь, неважно, чем набиты карманы. Если не искрился молодостью, ступая по мраморным парапетам храмов, то и нечего мечтать остаться по эту сторону. Нет вещи более могущественной, чем самопознание. Добравшись до глубины своего естества, становишься подобным брахману, для которого не осталось тайн. Поэтому, что толку в золоте, если сам не дороже песка?

4.

Кто-то считает на четыре четверти; постукивает ладонью по колену. Должно быть, вспомнил симфонию, слышанную в детстве. В высоком небе сошлись в битве ангелы. Кто победит, того и будет твоя душа. Ничего не поделаешь: сиди, наблюдай, чьё мастерство возьмёт вверх. Ведь ты уже за воротами, терять нечего. Только и осталось, что ждать, когда уведут обратно. А он всё постукивает, не унимается. Ему занят-

но глазеть на тебя – босоногое изваяние, задравшее голову кверху, где в ясном небе резвятся голуби. Откуда ему знать, что видишь их впервые над пыльными развалинами когда-то мирного города.

5.

День, изнывающий в тоске. Сыпет под ноги пёстрыми листьями. Я все жду, кто растолкует загадки – завтрашние, сегодняшние, вчерашние... Как одиноко светит солнце в седьме неба! Помнишь, летом, кажется, в июле, каким оно было? И что теперь с нами стало? Ещё один год, или большая часть жизни – прожита? Всё раньше сумерки в комнатах. Уже не зажигаю очаг – незачем. Тенью скольжу по стенам пустого дома. Впрочем, пульсирует ещё жизни окалина, зажата в кулаке намертво. И ничего, что осень: всегда проходила, и эта пройдёт. Только многозначительно ухмыльнётся вслед. А день, изнывающий в тоске, засыплет аллею листьями.

6.

Кто-то предпочитает получать и наполнять ладони, кто-то отдавать и наполнять сердце. Но мы все, как поток чёрной реки, получаем и отдаём, в конечном счёте, позволяя жизни не останавливаться. То, что мы имеем – ни хорошо, ни плохо. Это данность. И только мы вольны решать: жало-

ваться нам, гордиться, сожалеть, искать большего. Порой мы пользуемся подсказками других. Но кто знает, что у них на уме? Кто прозорлив настолько, что способен безошибочно определить, что тот или этот, представляясь другом, не ведёт к пропасти? Все ошибаемся. Безошибочны боги. Но мы не склонны ходить следами наших созданий.

7.

Кружевные стрелки часов подбираются к полночи. Замер в ожидании. Воспоминания о лете – четыре стены. Секунда, другая, третья – мантра Вечности. Тягучее движение времени: то вспорхнёт мотылёк у лампы, то скрипнет половица, то луна исчезнет в облаках. А я... То ли есть я, то ли меня нет – кто заглянет в комнату, не разберёт. Потому что в бытии моём извечно дыхание небытия. Я здесь и бесконечно далеко отсюда; витаю в эфире великого Нигде, как отшельник в туманном безмолвии. И только в первую ночь осени выхожу за дверь. И когда спрашивают, кто я, отвечаю: рыцарь потустороннего. И когда спрашивают, для чего я пришёл, говорю: расставить путеводные вехи к праведной жизни. И высоко над головой поднимаю факел. В карманах – драгоценные камни опыта.

8.

Искатель, чего жаждешь ты? Разве не всё тебе сказано танцами дервишей? Разве не осыпали тебя изумрудами знаний суфийские пророки Исфахана? Бредёшь по следу ушедшего каравана в надежде приткнуться к племени бедуинов и обрести покой. Но всё без толку. Вечность будешь скитаться по пескам, – не найти тебе ни одного погонщика верблюдов. Потому что ветер разметал вереницу торговцев, что заметил ты со стен города, вглядываясь в зарево там, где небо сходится с землёй; ибо суть каравана – мираж. Обманулся ты в сердце своём, отправившись в нелёгкое путешествие. Но сам выбрал этот путь, посему нечего роптать! Оглядишься – за тобой толпы жаждущих знания. А не тебе ли, обмерившему шагами пустыню, говорившему с её многочисленными мудрецами, что блаженствуют в цветущих оазисах, известно, что истину несёт каждый? То, что было когда-то игрой неба, земли и ветра, обманом, соблазнившим тебя, обрело плоть и кровь. И поиски твои завершены. Ведь во главе каравана ты – о, славный проводник, ведающий правду!

9.

Возле кроватей поэтов скомканы черновики. Безумцы! Скорчились под простынями в пыльных комнатах, насмотревшись в глаза бесчеловечно-человеческие, презрев яркую пустоту жизни улиц. В гнетущем уюте полумрака им слышатся синхронизированные взмахи рук, источающие арома-

ты бульварной парфюмерии. Сквозь щели плотных штор к ним пробиваются рваные пульсации электрических флейт. Это мёртвые танцуют в рыжем тумане. Это автоматический город пробуждается (также автоматически) после принятого на ночь снотворного в виде благочестивых помыслов у въедливых экранов. За пыльными окнами августа – лихорадка движения, обострённая семафорами. В мутной лазури неба птицы оплели провода. Воздух утра, последнего перед натиском осени, до предела наэлектризован сигналами; он стал прохладным, как взгляды. Но выйдешь – задохнёшься от изворотливости тел, от суетности метро, от изощённости машинерии железобетоники. Глаза окон твердят: всегда есть выбор – запереться в ужасе на засовы или следовать в канве чьего-то повествования. Но, так или иначе, всегда остаёшься элементом общей механики. И только мечтатели останавливаются, замечая краски осени, зарябившие в медной амальгаме реки.

10.

Солнце в молочно-персиковой дымке. Бриз ложиться на бронзовые плечи детей. Взгляд – на белый парусник, – выдуман, должно быть, романтиком, – он скользит по селёдочной спине моря напрямик в растёкшуюся по горизонту розовую желтизну заката. В его парусах трепещется едва живая мечта. Только поэт выразит её острой рифмой мысли. Осталь-

ные же скажут просто, – это свобода...

11.

Ветер порождает чудовищ, пляшущих на перетёртых в песок панцирях моллюсков. С пеной у рта чудовища хлещут скалы, желая расчистить себе путь. Но те, видевшие рождение и гибель скифов, сарматов и хазар, не отступают. И, кажется, не было времени, когда бы ни существовали они: штормовые волны и неприступные стены. Одухотворённый схваткой, взвешиваешь: в одной руке вечность, в другой – закат и рассвет. И как же мало сделано под человеческим небом! И как же много жаль.

12.

Лёжа на песке, я слышу голоса храмов, погребённых под плитами тысячелетий. Ветра доносят отзвуки мистерий жрецов, воздающих должное богам. Святая земля, хранящая сакральные смыслы в первоизданном виде! Как быстро сменили мы расшитую золотом парчу на рубище блаженных нищих! Ветер, зародившийся в горах, взлохматил море. Чем больше седины, тем яснее смысл жизни. На берегу, где камни зализаны солёной пеной волн, сошедший с пути прощается ангелами; избравший созерцание сам подобен им. Обречённый гений, в порывах бора и яростных набегах волн, раболепству-

ющих у ног, он слышит дыхание дома. Значит, остановлено колесо перерождений. Значит, все дороги пройдены.

13.

Города-руины среди садов Озириса ждут воскрешения. Люди-руны великим жрецом брошены в песок. В нём по горло завязли античные храмы, где Изиде являлись ангелы, несущие сокровенное знание. Природа пользуется природой, и природа преодолевает природу – такова тайна алхимиков древности. В агатовом небе беспорядочно разбросаны звёзды. Я соберу их заново, перекрою карты, чтобы указывать кораблям неизведанные маршруты. И если кто-то возьмётся листать пожелтевшие ломкие фолианты в полумраке вселенских библиотек, тот увидит, что каждый новый день повторяет вчерашний. И пока города возвышаются над руинами, на землю не ступит новый человек.

14.

Геометрический вальс крыш и открытых окон. В каждом – праздник, в каждом – игра, исход которой – смерть. А нагретый до обморока голубой топаз неба дожидается, кто рухнет в него первым. Набраться бы наглости, да протянуть взятку Господу. Но, нет! Там всё расписано: кто, когда и за что. Да и странно говорить такое, когда сам в очереди. Каза-

лось бы: сдайся! А ведь так хочется жить; размазать время, как последнюю горошину масла, выпить благоухающих трав и обмануть смерть, что заглядывает в окна, ухмыляясь игрой людей. Но нечего с ней спорить. Пора её полюбить. Она – лучший советчик, ведь какой-то шаг человека обязательно станет последним.

15.

Полночь. Мерцание тысяч огней – окна – маяки для сбившихся с пути пьяниц и блудниц. Обнажённый ветер – предвестник осени; времени матовых звёзд и проблесков надежды. Полудрёма звонких ярмарочных каруселей; последние гимны веселью срываются в небо, где задыхаются. И растянутые над аллеями невротические гирлянды, и фонтаны, дно которых усеяно медяками, и бархатные лоскуты клумб, их приторно-горькие ароматы, и розовеющие от одного взгляда девицы – уже не вызывают восторга. Вот перрон. Вот поезд. Прощай, беззаботное побережье!

16.

Протуберанцы Солнца. Это раскалённое дыхание я чувствую кожей. Взобравшись по ступеням комет, ныряю в омут холодного безмолвия чёрной дыры, касаясь дна, где прошлое и будущее слились воедино. Раз за разом терпящий неудачу

выбраться, сплетаю из нитей времени новую историю. Она про меня и тебя. Я верю – ты существуешь. Потому копаюсь в километровой толще тысячелетних снов, надеясь отыскать место, откуда ты явлена – наваждение, терзающее меня веками. И будь я бессмертен, провёл бы миллиарды лет в руинах священного города, мною же и разрушенного в отчаянии; слушал бы голоса планет, сокрытых в черноте бесконечности; складывал бы их слова в магические формулы, открывающие двери в усыпальницы богов. Но и так не разгадал бы тебя. Может, когда солнечный ветер унесёт мои обломки на орбиты чужих миров, ты явишься, чтобы собрать из меня целое. Я воскресну вновь в древнем царстве сумрака. И лишь отголоски прошлого будут сыпать загадками без ответов. Довольно с меня хороводов с мёртвыми звёздами и ледяными глыбами! Что толку от них, если не мыслят они о тебе? Я буду сгорать и возрождаться, я буду постигать пламя твоей мудрости под яростный хохот веков, в надежде увидеть когда-нибудь своё отражение в любящих глазах матери всего сущего. В твоих глазах! Я – пылающий Меркурий. Ты – Вечность.

17.

Руки толпы подставлены под промоины неба. Рты отыгрываются спонтанными выкриками о свободе. Осенним дождём кровоточат рваные раны асфальта, дрожат речитати-

вом ботинок улицы. В каждом голосе – подавленное сомнение. Каждая мысль – чудовище, порождённое пустотой. В порыве вульгарной слезливости толпа отсчитывает до трёх, срывая с петель нож гильотины. Это потом каждый будет соскребать с себя презрение. Расклеивать по стенам порнографию кристальной души. А сейчас каждый вклеен в толпу экстазом параноика. Я – невакцинированный элемент толпы. Впаян в рамки привычки существования. Предпочитая локти очередей, обнаруживаю в себе надменное превосходство конформного автомата, рот которого перекошен спонтанными выкриками о свободе. Пока нож гильотины кромсает осеннее небо, я плачу вместе со всеми, Не замечая, как фашистская рубашка на мне пропитывается кровью.

18.

Ты чувствуешь лёд под кожей? Это гаснет золотое пламя веры. Ты всё ещё молишься, не обращая внимания на молчанье небес. Но, согласишься, страшно встречать рассвет, осознавая одиночество, когда за окном в скудном свете ноябрьского солнца, обгорают первым холодом кварталы типовой застройки; градиентами серого растворяется жизнь. Ты слишком долго презирал отраженье в заплёванном зеркале. И не было предела твоей ненависти, когда плеть рвала спину в ключья. Ты стискивал зубы, замахиваясь для удара всё сильней и сильней, надеясь найти в истязании плоти

прощение. Даже когда лучи умирающего солнца коснулись закрытых век, ты верил, что он будет рад тебя видеть. Но с тобою остались поздней осени ветер и мутный рассвет. Не простив себя, ты уходишь, чтобы заново родиться любящим отцом для других – не видевших сострадания, любви, единства, протянутых рук помощи. Прости нас, изуродованных праведниками, каждое слово которых тебе было известно заранее. Теперь ты стираешь в пыль наши души, затерянные между чёрным и белым; сеешь семена прозрения. Ты же и станешь жнецом, когда мы прошепчем мёртвому небу: «Отче, за что ты покинул нас?». И страшно представить, что ответом станет молчание.

19.

Трижды погибший в полумраке дворцов, воскресший в когорте римского легиона, я несущий знамя разрушения собранного по крупицам мира, его освобождения и созидания нового. В столкновениях бесчувственных веков, затерянный в метафизических озарениях, я открываю алхимическую природу времени. И не стоит удивляться, что действую я решительно, воодушевлённый блеском аквилы, истребляя одного за другим врагов – петляющих по задворкам истории любителей переписывать на свой лад трактаты древних. Знай я раньше, что человек – это не его прошлое, не его ошибки, не смешки посторонних, не довелось бы мне узреть всей глуби-

ны магических танцев с тиграми, чей нрав укрощён волей богоподобных. Освободившись от пут отчаяния, отвергнув яства с вашего стола, что держится на спинах рабов, я вышел за грани дозволенного. Ничто больше меня не сдерживает. Гордость...

20.

Напряжение предельно. Тело подключено к городу, где напоказ – математическая точность построек. От террора прямых углов и безупречных линий бросает то в холодный пот, то в жар лихорадки. Гало уличных огней вызывает категорическое отрицание императива существования в сыром уюте комнат, где среди объектов вещей затерян объект человек. Механизм сердца безостановочно отсчитывает годы, по трубам вен – жизнь прокладывает дорогу в прошлое. Распластаный между частью и целым, я читаю в переплетеньях линий на ладонях мистическое объяснение природы Вселенной. И как только начну проходить сквозь зеркала, забираясь в расщелины чужого сознания, я растворюсь мириадами неоновых огней в безграничном пространстве улиц очередной биосхемой, так долго желавшей просто быть. Быть кем-то проявленным в черед безликих построек лет и двумерных чертежей лиц, улыбающихся мёртвому свету погасших солнц.

21.

Странное утро. В небе петляют красные банты, брошенные восходом. Земля отзывается петрикором дождю, высвобождая перламутровую свежесть воздуха. Проспекты отбивают ритмы городской рутины скрипучими пружинами трамваев. Подобно железным кораблям они проплывают дрожью оконного стекла, застревая в мятой простыне отголосками беспокойного пробуждения. Если мир существует, пока на него смотришь – это же чудачество? Так ведь? В глубине сна маяком вспыхивают ответы, обречённые на угасание непрочитанными. Мимолётно... Иллюзорно всё, чего касается лезвие рассвета.

22.

Правда – лоскутное одеяло метафор, вырванных из контекста тонкого сна. Мы все – одно, мы – одна планета. И я не знаю, чего ещё стоит искать в бесконечных днях на отрезке жизни, встроенной в систему координат, где в нулевой точке – ледяные объятия тайн. Не связывая одно с другим, окоченелыми пальцами мы выскребаем из заточения интуиции соль многолетних споров об истинности сакрального. Но вечно падение в звёзды, хоть миллиарды шагов уже пройдено на пути к великому неизвестному, чей голос пробивается сквозь пучину прошлого. В экстазе первобытной пляс-

ки мы взываем к мудрости радужного змея, надеясь в шёпоте его услышать, куда направить взор. Но как только гаснут костры, и начинает серебром сыпаться небо, мы тянем к нему руки, умоляя не оставлять нас в одиночестве. Знай! Кто-то видит из глубин космоса, из глубин спящего времени как мы постигаем незримое, проживая секунды всеми возможными вариантами. Быть может, – это боги, которыми мы когда-нибудь станем, быть может, – которыми были...

23.

Едва зазвенел хрусталь рассвета, торговцы с окраин потянулись открывать лавки, где витрины усеяны броской угнетённостью вещей, а запылённые книги алхимиков свалены в угол, и амброзия мысли загнила в дырявых корытах. Нам не будут благодарны те, кто предпочёл пустые, но чистые руки ангелов, что мы вбиваем в землю. Ведь мы так почитаем смерть! Целуем черепа святых, считая, что нет лучшей доли. Но как страшны эти заблуждения! Мы перестали видеть живых в пёстрых витражах смыслов

24.

Какой уж век бездвижен механизм пустого неба. На столе у окна – ворох чертежей – ночные бдения над схемой обители, куда вечны мои возвращения. Я нахожу защиту в тени-

стой крепости, не задумываясь над тем, ведомый я или ведущий. Я не смеюсь, не плачу, не жажду радости. Все проявления жизни – только линии геометрических фигур, из которых я складываю лабиринты храмов, понимая, насколько призрачны границы добра и зла.

25.

До последнего вздоха не совершать ошибок возможно ли? Отвечать на все звонки, говорить только когда просят, вставать с первыми криками улиц, не торопиться и не опаздывать, не откладывая на потом что можешь сделать сегодня? Замечать всё, ускользящее от взгляда, не мечтать, не иметь великих целей, строго соблюдать правила, спасая себя самого, утопающего? Быть заштопанным, зашитым, где надо, начищенным до зеркального блеска, отутюженным до режущей остроты линий, с растянуто-вежливым ртом уступать своё место? Не задумываясь поддерживать разговоры о пространстве-времени, смысле бытия, о чувствах, когда приходит смерть? И не бросать вызов умертвляющей типологии, краями неверного выбора не ранить ног? Только стонать в ночи на льду простыни, захлёбываться болью ран от ножей остекленевших глаз. Нелепая игра в человека! До последнего вопля игра в стеснённых обстоятельствах, когда щербатые стены проулков пережимают артерии до потери сознания... Не прощать когтей загнанного в угол зверя можно ли?

26.

Вот я – живое пламя, испепеляющее непосвящённых. Смотри, я хожу по осколкам, мечтая о том, что никогда не случится. Согретый собственной тенью, я избегаю смотреть в глаза жизни. Иначе я чувствую себя обязанным быть рядом с кем-то, обратившись хоть птицей, хоть камнем, хоть отражением леса. Вот я – притворившийся переплетением троп в лесной чаще. Смотри, я принимаю твою горечь, делая тебя подобной цветам, обжигаящим руки тем, кто всё ещё бредит во сне. Расколотый на десятки солнц, я ослепляю странников, желающих убедиться, что они есть в этом мире. Иначе мне нужно скрывать свои чувства. А в них – вся моя сила. Вот я – пригвождённый к стене чужими тайнами, испытанными до дна виновными. Смотри, как засыпаю я над книгами больших городов, Не способный больше различать спасение от убийства. Уподобившись странному стечению обстоятельств, я касаюсь магических струн, извлекая звуки, пронзающие чистых сердцем. Иначе мне приходится быть деревом, что сбрасывает листву, прикрывая саваном остывшую землю. Вот я – вечно кочующий по карманам времени. Смотри, я разжигаю пламя из космической пыли, желая оставаться причастным к дыханию Вселенной. Сливаясь воедино с пятью океанами, я наполняю их движением, позволяя богу проходить сквозь имена. Иначе я осыпаюсь песком, что сти-

рает следы, оставленные тобой в поисках своего племени.

27.

Механической рукой одёрнув штору, смотрю в глаза ночи. Так происходит после шумных снов, когда обрываются провода, и я впадаю в очеловеченное состояние. Я и ночь – вместе плывём в тумане, сложенном из двоичного кода. Она швыряет в меня раскалённые сгустки звёзд. Чтобы ответить взаимностью, я стараюсь сбросить аффективное оцепенение от потока воспоминаний, вспыхивающих в глубине упорядоченных нейронных связей. Когда-то я был кем-то, сейчас – исчисляем до сотой доли бита в секунду. В стальных отливах стекла не узнаю теперь, чьё это отражение. Конечная точка трансформации – уход с кольцевой в вечное, но не я выбираю направление исходящих электронных импульсов. Ночь играет с механикой, механика играет в человеческое, катализируя невротические реакции в омуте гуманистического потока. С застывшим на щеках глицерином слёз я каждый раз задаюсь вопросом: «Кто я?». А ночь, безмятежно покачиваясь на бесконечных комбинациях иллюзорных образов, неизменно отвечает: «Всего лишь фантазия».

28.

Всё великое – просто и не требует объяснений. Карти-

на мира выводится из простых формул, а глубина чувств – из живописной пластики супрематистов. Играющий словами пуст. Говорящий просто подобен узревшему в урагане проявление Шивы. Цвет неба понятен, а мириады городских огней нуждаются в трактовке. Для них – правила, законы, кодексы... Кто светел, для того и голос осени ласков. А кто спит наяву, для того во всём – десница рока. Что несёшь в себе, то и отражается.

29.

Берег. Закрываются глаза. Позволяю мощи океана наполнить пустоту внутри меня. Раскачиваюсь на спирали божественного, становясь мостом между земным и тем, что таят в себе звёзды. Есть нечто большее за пределами связи, что заставляет моё сердце биться в ритме смутных голосов. Готовый принять всё, что может случиться, всю бездну вариантов, всю неопределённость бытия, я нащупываю выход за пределы границ, с каждым днём всё сильнее сжимающих грудь. Но вы предлагаете кусок сфабрикованной судьбы. Суррогат завтра. Глухой туман тоски по утраченному раю в липкой массе безразличия. Мучительную пытку терновым венком ограниченного разума. И если сейчас вы спросите, что в моей памяти, отвечу: дерево познания, плоды которого отведал в минуту рождения. Явившись на свет, я криком утвердил право следовать избранным мною путём – по другую сторону добра

и зла, вне белого и чёрного. И с каждым вашим плевком я буду сдирать с себя человеческое, раскачиваться на спирали, растворяясь в пространстве между земным и божественным.

30.

Растерянные, они не хотят видеть ничего другого, кроме уходящей за горизонт колеи насильного морализаторства. Их жизни упакованы, словно чемоданы, удобными формулами: вправо – да, влево – нет. И если бы хоть кто-то посмел возглавить сопротивление этой простой житейской математике, тот немедленно был бы низвергнут в пропасть общественного порицания. Они видят следы на песке и думают, что это следы бога. Но никому невдомёк: каждый идёт за другим. И вот уже несколько тысячелетий они бродят вокруг одного и того же языческого истукана. Но: вправо – да, влево – нет. Неизвестное вызывает хроническую тревогу. Ведь каждый шаг взрывает координатную сетку, раскрывая бесчисленные варианты и вариации на покрытой сплошным туманом карте жизни. Тогда, куда ступать, чтобы не ошибиться? Влево? Вправо? Как удобно идти привычным маршрутом! Хоть рельсы проржавели, поросли бурьяном и ведут в никуда, они всё-то служат надёжным ориентиром. Но не лучше ли следовать за звёздами, – немymi свидетелями начала и конца всего сущего?

В наготе мрамора сокрыт сон девы. Он подобен опутанным золотыми лентами рассвета и осязающими воздух ветвям цветущей сирени под окном, что распахнуто для весны. Я почувствовал его внезапно, когда заря распоролась бритвой ночью; и потерял счёт времени, осмелившись пробудить дыхание в камне. Десять алхимиков усердно шептали магические заклинания, кроша молочно-белые осколки на грубый деревянный пол. И – о, чудо! – я вижу законченные линии жизни. Опустившись в кресло, я веду неспешные беседы с богиней, чей взор напоминает мне о вспененных волнах Адриатики. Я начал работу честолюбивым и вечно спешащим юношей, надеясь пройти по краю совершенства на пути к неизведанному. Теперь сквозь пыль на зеркалах на меня смотрит седой мастер. И мне больше некуда торопиться.

Верлибры, стихотворения

Пылающая Вселенная делит белое и чёрное на терции.
Гений слышит ноты – это биение сердца
далёкой галактики.

Небом брошен вызов: докопаться до истины;
Какая цель выше познания фрактальной бесконечности?
Богopodobные истуканы
под гул дикарских барабанов

молчаливо призывают корабли с окраин,
где тонут на рассвете звёзды.

Мы бьём по натянутой коже, порождая энергию диссонансов,

А в небе земном по-прежнему – гонка золотых и серебряных колесниц.

Панцирь наутилуса скрывает числа.

Чтобы прочесть их, нужны глаза гения, –
– они видят дальше небесной сферы.

Мы же чаще смотрим под ноги: не дай бог сбиться со следа,

оставленного легионами предков.

А звёзды, эти брызги разбитого стекла, ввергают нас в тоску.

Они всё ещё недостижимы.

Холодный серп луны
как напоминание о прожитом,
о времени, что вжато в камень монументов.
Дыханье труб
помножено на вечность
чертежей, заброшенных на полуслове
в пустых квартирах,
разменянных на пропасть городских окраин.

Ветвятся ломанные ритмы
из объявлений строк,
названий улиц и проулков,
случайных выкриков прохожих,
неона искр, шагов по трещинам асфальта.
А задремавшим пассажирам
то холодно, то страшно, то тоскливо
от взглядов одиночеств,
сползающих к коленям,
к рукам и скулам, всегда готовым для молитвы.
Давно забытые мотивы срывают
с чёрствых губ
мерцающие звёзды, что падают в ладони
и звенят: «А всё-таки мы живы...».

Я слушаю
Как дышит океан,
бросая в небо изумруды брызг.
Когда его грудь колышется,
Волна за волной накрывает берег.
Я чувствую холод воды.
Это как прикосновение Бога.
И мрак внутри меня
Растекается красками.

Нанеси их на холст,
Наблюдай, как темнота
Становится светом.
Если пустишь меня на порог,
Мне станет легче.
На время.
Но вскоре я продолжу свой путь
В поисках неба, утраченного нами
В пыли беспамятства.
Я выбираю дороги,
Выложенные битым стеклом.
На них я оставляю кровавые следы,
Чтобы каждый видел, куда не нужно ступать.
Никто не осмеливается идти рядом.
Но если пустишь меня на порог,
Я научу тебя
Дыханию океана.

Скисает полдень.
Полотнище неба вымокло,
навалилось на линялые крыши.
Город исшаркан ботинками, торопится.
Ему бы донести исповедь Солнцу
до того как оно запылает алым.

Хорошо, когда не лишний,
когда заражён движением,
когда оголён нерв жизни.
А если бросаешься в ноги
даже фальшивящей скрипке,
какими полны бульвары,
быть тебе растерзанным кроткими пастырями.
А потом – вкривь и вкось сшивай себя заново,
шрамы прячь в пальто и перчатки.
Но всё равно пой, не отчаивайся!
Дыши этим полднем.
Он, как и жизнь – единственный.
А город всё шаркает ботинками.
Торопится...

Уходя на Восток, он оставил руки пустыми,
чтобы каждый видел – он ничего не взял с собой.
Там, где расцветает мир –
у самых ворот райского сада
– он нарвал охапку нарциссов,
вложил их в клювы птиц,
чёрным вихрем окутавших кинжалы скал.
Птицы осыпали его драгоценностями звёзд,
и он продолжил путь,

наполненный знаниями о сотворении мира.
Когда же достиг он колыбели Солнца,
он узрел, что она сплетена из ветвей наших рук,
простирающихся до ледяных хвостов комет.
Забывшись от усталости среди пряных трав,
и пребывая во сне тысячу лет,
он внимал голосу ветров,
что несли откровение
о каждом мгновении из жизни планет.
По пробуждении
на его груди алым цветком распустилась Вечность.
Земля же была безвидна и пуста.

Прочитаю во взгляде твоём меланхолию,
склонность драматизировать.
Это вино слишком сладкое,
чтобы пить его в одиночестве.
Дёготь ночи с крапинами звёзд.
Не найти времени лучшего
для прогулок с возлюбленной.
Эхо наших шагов скатывается
по ступеням набережной.
Я слышу твоё дыхание, ты – моё.
И мы так торопимся

рассказать свою правду,
что даже не тратимся на слова.
Только вглядываемся
в чёрную пустоту другого берега,
а искры звёзд серебрят плечи и волосы.
Должно быть, ты одна знаешь, какого это –
стоять в безмолвии провинциального города.
Пригоршня слов у подъезда,
как слепок холодного ветра.
Так жаль расставаться
в первый и последний раз,
ведь вино слишком сладкое,
чтобы пить его в одиночестве.

В янтарном свете лампы
Клубится папиросный дым.
Ты сказала, лучше нам побыть одним.

Чтобы ни прикосновение, взгляд,
ни полуслово
Не всколыхнули больше душ,
Истерзанных штыками боли.
Чтобы забыть, стереть, не вспоминать
И горечью давясь,

жечь, не перечитывая письма.

Чтобы в простудном скрипе половиц

И холоде постелей

Всё пережить, пересидеть, переболеть:

Все имена, названия улиц, номера домов,

Изгибы тел, ладоней жар,

Шёлк мятых простыней.

Трамваи, где на окнах стылых

Ты пальцем выводил имена

Сгорающих огнём героев

Ещё одной любовной драмы.

И полутёмные углы кофеен,

Ступени, лестницы, мосты,

Где мы друг другу врали

Как мы могли, как мы тогда умели,

Что только в Вечности простимся,

И только в Вечности сторим.

Маршруты от цветочных до парадной,

Где всё ещё, янтарным огоньком

в твоём окне влекомый,

Стою с букетом мёрзлых роз,

Не понимая смысла слов: не жди...

А ты, отгородившись ночи немотою,

Как пропастью межзвёздного пространства,

Ты смотришь, как клубится в свете лампы дым
И бьётся в стекла мотылёк, рвущийся на волю.

Разметал пряди волос ветер.
Мне в каждом шорохе
Слышится поступь весны.
И голос её:
“Не вечен здесь ты”.

Она наизнанку мне вывернет вены,
И кости мои
Станут сорной травой.
Я никогда не был ей верным,
А она всё тянет меня за собой.

Мне больны травяные объятия,
Я боюсь васильковых обрядов,
Как языческих танцев с огнём.
Но с уст моих не сорвутся проклятия.
Как слезами омыт я буду дождём.

Мне суждено среди прелой листвы,
Среди влаги и синих сумерек леса
Умереть под ромашковый звон.

И в цепкий объятия травы
Спать и видеть бесконечный сон.

Мне выть только ветру
О боли упавшего дряхлого дуба,
Что века подпирал небеса.
В молитве ветви протягивать утру,
И слышать: лисицей крадётся весна.

Время связано с ветром.
Говорит с ним языком,
Недоступным смертным.
Только в миг удивления
Ты станешь другим
И в облачных сплетениях
Увидишь слова.
Только в искренних порывах
Та самая искра,
Из которой загорается пламя.
И если не заиграешься,
Пронесёшь его через жизнь,
Будто в руках твоих
Алое знамя.
И не важно: как будет, как было,

Ведь воля твоя что-то, да значит.
Откроются все тайны мира
Способному видеть иначе.

Мы, играя в самих себя,
Переворачиваем с ног на голову
Ценности, смыслы, принципы,
Становясь невольниками
Маски театра Но,
Под которой не разобрать:
Где человек, где его пустота.

Как полые куклы из пластика,
В тесных коробках ждущие
Тепла случайных рук,
Мы грызём хлеб одиночества
Боясь, что захрустят позвонки
В тисках любви,
Которую не назвать братской.

Мы драпируем свое сожаление
Карнавальным блеском игры.
Напудрив трафареты глаз
Сладким ядом,

Мы не видим плюющих правдой
На золотые плиты лжи,
Ставших нашей дорогой.

Быть боимся распятыми
На крюках морального выбора:
Жить сердцем открытым,
Или скрипя зубами,
Ощетинившись страхом изгнания.
Потому что изгнанный обречён
На смерть в голодной пустыне.

И до крови впиваясь в локти,
Мы проклинаем ночь,
За то, что она также темна,
Как и мы, цифротелые демоны,
Порождённые играми,
За которыми не разобрать:
Где человек, где его пустота.

Радуга сломалась
Звоном разбитого хрусталя,
Брызгами самоцветов.
Они тают под солнцем

Августа
Во влажной траве.
Я едва успеваю
Собрать их,
Но карманы
Остаются пустыми.
Красоту мира
Не унести.

Промокшие фасады
В тисках бетонных
Сжали медных фурий,
Изъеденных веками
Касаний торопливых рук.
Лоснится тротуар
В дождливом трауре
По лету.
В окне –
Букет из белых роз,
Поникших головами
В хрустальной вазы пустоте.
И тлеет
Над сводом бесприютных улиц
Былой пожар.

И снял одежды
Старый клён.
Здесь счастлив был
Всего однажды.
Здесь счастлив был я
И влюблён.

О, Калипсо, тебе ли не видеть сны
О чудесах, что вершатся на поверхности облаков?
Играя на флейте ночи
Ты заставляешь звёзды сыпаться под ноги,
А после ступаешь по их иглам,
Оставляя кровавые следы на песке.
И пока их не слизывает море,
Я в каждом прочитываю
О своей гибели.
Ты вплетаешь в волосы
Жемчужные нити,
И по ним я отсчитываю
Перламутровые рассветы,
Туманы которых для тебя –
– купель.
Семь лет – мгновение...
Взываю к милости Афины.

Я отправлюсь в отчий край
И ты пошлѐшь попутный ветер.
Я покину тебя,
Дочь Тефиды,
Оставаясь твоим пленником
Навеки.

Люди.
Падают, встают.
Иногда улыбаются.
Но чаще с горечью
Ведут счёт ошибкам,
Каленым железом выжигая надежду.
Им прошлое когтями
Вцепилось в горло.
Им бывает страшно.
Они загнаны в норы.
Бывает, стыд вспарывает артерию
Бывает, кому-то снятся птицы,
А они камнем – вниз – без крыльев.
А ещё знаете, как бывает?
Когда перехватывает дыхание – отчаяние.
Ведь не каждому дано выдержать
Дороги,

битым стеклом вымощенные.
Не каждому дано
Дойти до заката
И смотреть с улыбкой,
Как уходит за горизонт,
Все, ценимое, приласканное, значимое.
Не каждый силён настолько,
Чтобы терпеть за потерей потерю
И дышать
Раздавленной глыбами грудью.
Говорят, не жалейте слабых,
Вы их унижаете жалостью.
А по мне, так любите каждого
И врагов, как ближнего.
Потому что нет в нас ничего,
Кроме человеческого.
И я не верю, что больше
Никто
Ни за кого
Не в ответе.

Мне слышится звон каруселей.
Призрачный, будто из детства.
Я пытаюсь запечатлеть его на холсте,

Но какие бы краски ни брал – всё не те.
В увядании лета, в тёмных тонах августа
Тонут сонливые голоса прошлого.
Может, когда-нибудь я наберусь смелости –
И в омут с головой – искать справедливости.
Говорят, нет её ни на небе, ни на земле.
Кругом одни топи бесчеловечных взглядов.
Тогда пускай смывает узоры с рук
Дождь, поливший внезапно, вдруг.
И пусть карусельные трели детства
Остаются лишь воздухом. Я разрываю холсты,
Мне туда не упасть, не вернуться.
Той чистоты можно только коснуться.
И как свет маяка её через жизнь пронести.

Фонари теснятся в переулках,
В их свете видны
Все тайны углов.
В расставленные ими сети
Попадают то коты,
То редкий прохожий
То пустой трамвай –
Небогатый улов.
Голубей приютили

Скаты крыш в оспинах ржавчины,
Вздыхающие по молодости,
Как старики,
Высовывающие головы в окна –
Не идёт ли дождь?
А он всё не начинается,
Хоть с полудня город накрыли тучи.
Значит, ближе к ночи...
Отточен
Серп луны, повисшей в прогалине неба.
Серебрится вдали
Холодная бритва канала.
Я помню тебя на мосту.
Ты стояла
В сером пальто,
Перебирая пальцами по перилам,
Будто по клавишам,
Называла мне ноту за нотой
Так быстро,
Что я не успевал прочувствовать
Всю глубину текущей в тебе реки.
И когда соединились руки,
Ты на немой вопрос ответила:
«Мы обязательно встретимся».
С тех пор ищу тебя,
Но не могу найти.

В едком мотиве ночи
Стараюсь услышать знакомые ноты,
В надежде, что оба осмелимся
Броситься
По первому зову друг друга.
Но вот хлынул дождь,
И я закрываю окна.
Мы обязательно встретимся.
Может, не в этом городе,
Может, жизни не в этой.
Как странно порой
Смутный сон
Становится прозой:
Мы обязательно встретимся,
Мы обязательно,
Мы...
Горят в темноте под дождём фонари.

Здесь, на берегу моря
Я видел,
Как время поглощает само себя,
Перетирает в солёный песок
Камни, которым – вечность.
Становясь неподвластным

Замыслу высших богов,
Я трепетал на ветру,
Как нить паутины.
Падал
В сумеречную пропасть трав.
Подражал голосам ветра,
Рассыпая по волнам
Бриллианты солнц.
А в конце пути
Оставил следы
На горизонте
Линией заката.
Волны сохраняют их мгновения,
Выбрасывая на песок
Руны узоров,
Что прочтут лишь прозревшие.

Солнце ныряет за горизонт,
Пробуждая трели цикад.
Не остаётся ничего, достойного внимания.
Слушаешь, как поёт неизбежная ночь,
Чувствуешь, как струится её голос.
Проходит сквозь тело вибрациями,
Что разрываются струнным оркестром,

Пробуждая ранее недозволенное, непонятое, личное,
О чём не будешь говорить словами.
Только жесты, движения, прикосновения,
Следование повелениям и тайным желаниям.
Расколотый надвое, натрое, на четверти,
Распыляешься в небрежной походке инфанта.
И считаешь шаги по бессонным ступеням
Небрежной,
Где неба чёрный агат падает в море.

Вы пробовали на вкус солнечный ветер?
А пятернёй расчёсывать вихри рыжий волос
У лета, улыбчивого, как младенец?
Или лежать на холодной спине реки,
Плести кружева из паутины воздуха,
Обратившись листом, сорванным птицей?

Вы падали утром в постель из пряной травы,
Растекаясь алмазной водой по сосудам?
Может, ветром гнались за волной
По острым краям зеркал океанов?
Или железные плавил слитки времён,
У подножья гор, подпирающих небо?

Вспоминали мгновенья из жизни звёзд?
Думали: «Что будет потом?
Когда пламя погаснет в жерлах вулканов?
Когда седины онемевшего неба
Коснётся света последний луч,
Устремлённый к началу Вселенной?

Если этого сердцем касались однажды,
Внимая каждому вздоху небес,
Знайте: нет нужды открывать
Залитых воском свечей тайных книг —
– И во взмахе крыла заключён тот же смысл,
Что и в танцах планет скрывают века.

Я веду разговоры
В испепелённых углах
Погибшего мира.
Мне является бог.
Он целит в меня слова
Через скважину замка
Двери,
Что не заперта,
Но и выйти за неё
Невозможно.

Эти разговоры странные.
Рваные, как полотна
Знамён осаждённой крепости.
Я лепечу нелепости,
А он отвечает мне
Терпеливо.
В руках моих появляются
То два камня,
То две птицы.
И красные одежды
Трепещут на ветру,
Точно крылья.
И мне так жаль,
Что не выбраться
Из темницы,
Не вознестись,
Не переродиться.
Я вижу его глаза.
Они черны,
Как самый чёрный омут.
Но теплы,
И тепло
Наполняет ладони.
Ими я черпаю мудрость
Из колодца космоса,
Откуда не напиться,

Не насытиться.
И пока вулканы клокочут,
Заливая огнём
Всё, чего ни коснутся,
Я беседую с богом
О том,
Как вернуться,
Туда, где не был,
Куда не ступала
Нога человека.
Где кончается Вечность
И звенит эхо
Излома Вселенной.
Я внимаю ответам
И за дверью,
У которой алчу,
Разгорается свет,
Что ярче
Самых ярких звёзд.
И ночь вокруг
Обратилась рассветом,
Нанизанным
На нити дождя
В воздухе нагретом.
И в руках моих
То два камня,

То две птицы
Но не выйти мне,
Не переродиться.
Опоясанный
Золотыми искрами
Слов,
Я ступаю по серебру
Пепла мира.
А бог шепчет мне в спину:
«Я с тобою везде,
Меня ты видеть готов».

Я погибаю героем в пепле нового дня.
Не оставляю камня на камне
От прожитого, от прочувствованного,
От увиденного.
Нет ничего, что будет звать меня
Завтра из вчера.
Нет ничего, что позовёт из прошлого.
И это солнце целится в незащищённую спину,
Готовое пронзить меня
Нитями холодного света заката.
Но нет, твоё время ушло,
Ты проклятый мёртвый,

После тебя – только тьма,
В тисках которой зажаты
Лезвия совести.
Я превращаюсь в молекулу города,
Не сделав за день ни глотка,
Ни вдоха пошлости.
И останусь праведником, когда
Выжми из себя
Последние капли гордости.

Часы лениво
Глодают секунды,
Как белые кости
Чёрные псы.
В серости комнат
Боишься нарушить
Эту вялую тишь,
Но взгляни:
К окнам липнет зима.
Стало быть, скоро
Пора выходить за порог
И снова
В искрах снегов
Утопая по пояс,

Искать,
Где упала звезда,
Что зовётся судьбою.
Быть может
На склоне опасном утёса
Мы счастье отыщем,
И пролитая в горе слеза
Ещё золотом нам отольётся.
Не бойся,
Не жди,
Не жалей ни о чём.
Знай: кто за жизнь свою
Яростно бьётся,
Тому тьма –
Будто песня,
И смерть
Нипочём.

В голубой дымке лунной ночи – сокровище.
То, что сокрыто в листве.
Набрёдёшь на него, плутая между деревьями,
голоса которых наполняют пространство.
В ночи слышишь другое.
Необъяснимо...

Разметая опавшие листья,
присев от усталости на переплетенье корней,
поймёшь: вот книга жизни –
каждый из них родился,
трепетал на ветру и умер.
А деревья нашепчут:
у мира нет причины;
всё так, как есть;
мы не оплакиваем их.
Непостижимое великолепие ночного леса.

Хочешь, прочту твои мысли?
Увижу, в чём сомневаешься.
Или скажу без утайки
По лезвиям каких ножей пройдёшься?

Я не праведник, не пророк
Я, как и все, грешен.
Такое же жалкое зрелище,
От которого отворачиваются.

От порога к порогу
Я получаю удары плетьюми,
Потому что никто не желает

Знать своё настоящее имя.

Я тоже впадаю в отчаяние,
Бросаемый в грязь вновь и вновь.
Желаю обрасти панцирем.
Стать бесчувственным к копьям слов.

Для толпы, горящей ненавистью
Мой голос почти не слышен.
Он для тех, кто запершись,
Ищет дорогу к Всевышнему.

В их ставни бросаю я камни,
Какие собрал, когда было явлено мне:
Есть время, которое лечит,
Есть время, что всё отберёт.

Тому, кто прочтёт на них шифры
Откроется тайна из тайн:
Не каждый спасённый спасётся,
Не каждый ушедший найдёт.

Живи без надежды на счастье,
Живи, если в сердце – боль.
Но помни, кто человеком зовётся
Тогда имя твоё никто не возьмёт.

Туманная луна после дождя
Пролила ртуть на ветви платана,
Под которым я вдыхаю
Влажную тишину
Засыпающего парка.
Я знаю, есть шифры,
Открывающие глубину беззвучия,
Но любые символы, что срываются с губ,
Обращает в пепел
Танцующий под ногами ветер.
Значит, тишину не выразить словом...
Поддавшись интуиции,
Я не нахожу ничего иного,
Как самому стать танцем,
Зацепившимся за хвосты воздуха
И мерцание капель дождя.
Только так ускользнёшь
В совершенство
Изнанки звуков.

Я видел сон: уродец вёл меня пустыней.

Глаза его агатово черны,
– в них отражался голос Преисподней.
Он спрашивал: «Зачем родился ты?
Зачем тебе топтать барханы страсти?
Зачем идти на зарево огней?
Зачем оружие твоё заточено опасно?
Зачем не верил тем, кто был тебя сильнее?»
И я, не зная, что ему ответить,
Устало опустился на песок.
Извлёк их торбы Книгу скорби.
Уродец сморщился, умолк.
Я вслух прочёл ему строку, другую,
Увидел адский отблеск в дьявольских глазах.
Тут молвил проводник мой полусонный:
«Друг мой, ты горестью пропах.
Отбрось свои тревоги,
Ступай скорей за горизонт!
Там ждут тебя исчезнувшие боги.
И помни, в кровь стирая ноги,
Блажен, кто ищет,
Ибо он найдёт!»

*Москва – Санкт-Петербург – Анапа
2018-2021 гг.*